

ВЧУВСТВОВАНИЕ И ОПЫТ ДРУГОГО. КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ТЕОРИИ ЭДИТ ШТАЙН

А. С. Калинина

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2020 г.

Аннотация: *Эдит Штайн, прямая ученица известного философа XX в. Э. Гуссерля и популяризатор его учения, расширяет и углубляет понимание интерсубъективности через обстоятельную дескрипцию переживания чужого опыта, или вчувствования. Другой индивид предстает в качестве специфического интенционального объекта, постепенно раскрывающегося сознанию познающего субъекта. Феномен душевной жизни другого человека всякий раз обнаруживается в сознании как уже данный, однако конкретизируется и определяется в себе только под действием непрерывного, многоступенчатого усилия вчувствующегося, т. е. осуществляющего эмпатию субъекта. В настоящей статье затрагивается соотношение переживания вчувствования с отличным от него внешним восприятием, отслеживается критика Э. Штайн генетических теорий, исследующих проникновение чужого опыта во внутренний мир Я, а также предлагается краткий разбор слабых мест и неточностей теории вчувствования Э. Штайн.*

Ключевые слова: *феноменология, вчувствование, Эдит Штайн, интерсубъективность, Другой.*

Abstract: *Edith Stein, a direct disciple of the famous 20th-century philosopher E. Husserl and a popularizer of his teachings, broadens and deepens his understanding of intersubjectivity through a thorough description of the disclosure and reception of Other's experience, or in other words, empathy. Another individual appears as a specific intentional object, gradually revealed to the consciousness of the knowing subject. The phenomenon of the mental life of another person is always found in consciousness as already-given, however, it is concretized and determined in itself only under the influence of a continuous, multi-stage effort of a feeling person, that is, an empathizing subject. This article touches on the correlation of feelings of empathy with external perception different from it, tracks the E. Stein's criticism of genetic theories examining the penetration of other people's experience into the inner world of the Self, and also provides a brief analysis of the weaknesses and inaccuracies of the theory of empathy E. Stein.*

Key words: *phenomenology, empathy, Edith Stein, intersubjectivity, Other.*

Проблема «другого» впервые проникает в поле феноменологии в 1905 г., в результате беседы Э. Гуссерля с учениками известного в то время немецкого психолога Т. Липпса [1, с. 37], разработавшего теорию имитации, и постепенно развивается в рукописях самого Э. Гуссерля и его последователей: от исследования возможности обнаружения сознанием «проявлений чужой жизни» [там же, с. 39] до проблематики соприсутствия. Напряженный поиск разрешения этой проблемы во многом

был связан для Э. Гуссерля с необходимостью преодоления солипсизма конститутивной феноменологии и прихода к объективности через расширение трансцендентального поля до интерсубъективной сферы. В качестве одного из возможных решений возникает «теория опыта Чужого», или вчувствования [2, с. 120], огромный вклад в разработку которой внесла ученица Э. Гуссерля Эдит Штайн.

В рамках феноменологии вышедшее из психологии понятие вчувствования значительно перерабатывается и даже, как пишет Гуссерль, обретает «истинный смысл» [там же, с. 187]. Эдит Штайн подчеркивает, что для корректного понимания этого феномена необходимо «отвлечься от... исторической традиции, связанной с этим словом» [3, с. 660], и определяет вчувствование как особую разновидность актов сознания, в которых «постигается переживание другого», отличая его от сочувствия, сопереживания, одиночества и различных «суррогатов вчувствования» [там же, с. 669].

В своей диссертации 1916 г. Эдит Штайн описывает феномен вчувствования исходя из сферы «чистых переживаний чистого Я», как «опыт чужого сознания вообще» [там же, с. 686], по возможности избегая импликаций, связанных с «душевной жизнью» психофизических индивидов, с «внутренним опытом» в шелеровском понимании. Это описание ограничивается сущностью феномена, но мало говорит о его генезисе. Несмотря на обширную критику современных ей генетических теорий восприятия чужого сознания с позиции их неполноты и несоответствия истинной проблематике вчувствования, исследовательница не предлагает своего решения вопроса о том, как же становится возможно само «восприятие» чужого переживания.

Этот и другие, не вполне раскрытые моменты теории вчувствования Эдит Штайн берутся нами в качестве травматических точек дискурса, становящихся источником вопросов и центром поля новых идей, частично реализованных в более поздних работах Гуссерля и других феноменологов.

Мы бы хотели также предварительно указать на возможность упущения нами некоторых из таких моментов по причине фрагментарности представленного в сборнике «Антология реалистической феноменологии» русского перевода диссертации Эдит Штайн «К проблеме вчувствования».

Переживание другого и чужое переживание

Первая проблемная точка, которую мы обнаруживаем в работе Эдит Штайн «К проблеме вчувствования», связана с неразличением (или, по крайней мере, отсутствием эксплицитного различения) исследовательницей переживания (мною) другого как именно *Другого*, как противостоящего и/или сопresentствующего мне иного *Ego*, обладающего тем же гносеологическим статусом, что и Я, и переживания другого как чужого переживания, обнаруживаемого в моем сознании как интенциональный объект. Исходя из дальнейших рассуждений немецкой философии и приводимой ею структуры вчувствования нам становится ясно, что под

такими терминами, как «переживание другого», «опыт другого» имеется в виду именно чужое переживание, а специфический опыт (пред)понимания актуальным Здесь-Я другого как Другого смешивается с актом восприятия конкретного психофизического индивида и не выступает в качестве, к примеру, условия возможности такого восприятия.

Это различие позволяет задаться вопросом о том, что именно нам¹ дается в акте вчувствования и зависит ли (если да, то насколько) осуществление этого акта восприятия феноменов особого рода от специфики перцептивного поля, его организующей структуры, того, сложилась ли интерсубъективность.

Жиль Делёз в «Логике смысла» понимает «Другого» в качестве структуры перцептивного поля, его образующего основания, позволяющего воспринимать мир определенным образом. В результате распада этой структуры открывается мир без потенциальностей и виртуальностей, заключенных в выражениях лиц других, без гармонии и меры. В этом мире существуют одни лишь стихии, вздымающие ввысь, поскольку и тела, и, далее из них, объекты появляются лишь через Другого. Всё, что видно вокруг, – бездна и линии поверхностей, мир становится угрожающим, неприветливым, незнакомым. Этот мир, впрочем, дан не как неорганизованный хаос, перцептивное поле не распадается вовсе, но, скорее, в какой-то момент реорганизуется, и горизонтальная структура Другого превращается в перверсивную структуру. Этот процесс проходит, согласно Ж. Делёзу, в три этапа. Сначала, при удалении из общества, из поля зрения исчезают конкретные другие, однако еще остается сама структура Другого – это стадия невроза. Далее, при усиленном психозе, начинается распадение самой структуры, оно встречается болезненно, как утрата, и сознание пытается насильно восстановить этот порядок, заменяя исчезнувшие связи следами другого, т. е. тем прошлым уже отсутствующего другого, которое никогда не было настоящим. Далее спасение возможно лишь при новом осмыслении утраты другого, при создании третьего смысла, третьего измерения структуры, выпрямляющегося ввысь. Другой заменяется Двойником, который становится основанием и функцией перверсивной системы. Человек с таким перцептивным полем уже не может воспринимать другого как Другого, лишь как жертву, мучителя, допельгангера в чужой плоти [4].

Итак, мы можем предположить в частности, что вчувствование психопата не тождественно по форме вчувствованию, описанному Эдит Штайн.

Тема, предваряющая опыт взаимодействия и вчувствования структуры, может быть рассмотрена и под иным углом. Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» отмечает, что еще до взгляда на Другого тот уже предполагается в разомкнутости совместного бытия для присутствия.

¹ Здесь и далее местоимения «мы», «нам» следует понимать не в коллективном смысле или в контексте проблемы одиночества, но как стилистическое выражение субъективного опыта.

«Присутствие сущностно само по себе уже есть событие» [5]; мир, в котором возник бы лишь один человек, причем не просто как биологическая особь, а именно как Dasein, совершенно немислим, что, правда, не значит, что присутствие потеряет себя, утратив всех других как фактично наличных. Структура соприсутствия подразумевает встречность существования присутствия, его ответственность перед разомкнутостью бытия и открытостью сообщества.

Феноменология и генетические теории

Эдит Штайн кладет в основание своего исследования в качестве предпосылки то, что «нам даны субъекты и их переживания» [3, с. 657], но оставляет за скобками вопрос, как именно они даны. Рассматривая, что есть вчувствование по своей сущности, она не берется рассуждать, как именно оно возникает, считая генетические теории прерогативой не феноменологии, а психологии [там же, с. 677]. Однако в правомерности такого разделения сферы исследования можно усомниться: пренебрежение генезисом объекта нередко ведет к заблуждению и в отношении его сущности.

Эдит Штайн говорит о «феномене душевной жизни другого» как о не подлежащем сомнению [там же, с. 659], подразумевая, по видимости, то, что в актуальном переживании мы обнаруживаем этот феномен как уже тем или иным образом данный, но не рассматриваем, как именно он попадает в поле чистого сознания и из чего делается вывод, что обнаруженное – феномен чужого переживания, а не, к примеру, собственное переживание а каком-то особом модусе данности или даже фантазия, возникшая на периферии трансцендентального поля, в создателе которой, фантазирующем Я, актуальное Я не распознает собственной модификации. В тот момент, когда мы определяем некий феномен именно как «чужое переживание» [там же, с. 676], мы уже начинаем цепь опосредований и становимся в позицию предвзятости.

Это отсылает нас к проблемам перевода опыта созерцающего переживания в знание, вербализации. В работе Эдит Штайн нередко встречаются такие выражения, как «переживание радости/печали другого», «я вижу (его) радость», о корректности употребления которых можно задуматься. Даже если принять, что феномен чужого переживания несомненен, он должен всё же выступать именно как «феномен (некого) переживания», но не конкретно радости или печали. Как радость мы можем определять вчувствованное переживание уже только исходя из нашего индивидуального «словаря чувств».

Проблематизация генезиса феноменов «чужого переживания» может дать толчок к разрешению вопроса о соотношении актов восприятия и вчувствования.

Вчувствование и восприятие

Переживание другого в смысле чужого переживания, согласно Эдит Штайн, вообще дается нам только во вчувствовании, которое есть и восприятие переживания, и акт его постижения, понимания. В качестве восприятия вчувствование отличается, по мысли исследовательницы, от

«внешнего восприятия», изначально по содержанию, имеющего объект — «пространственно-временное, вещное бытие» [там же, с. 660] — «в реальной данности» [там же, с. 675]. Так, само лицо, тело человека, его жесты и мимика, даются нам в модусе внешнего восприятия, а его переживание — в модусе вчувствования, однако не вполне ясно, как эти два *cogito* сосуществуют, осуществляется ли переход от одного к другому, могут ли они быть одновременно в равной степени актуальны, и, главное, возможно ли вчувствование в отрыве от другого акта, можем ли мы вполне отделить феномен «чужое переживание» от феномена «психофизического индивида»?

Эдит Штайн отмечает, что другой индивид наличествует для нас «не как физическое тело, но как осязающая плоть, наделенная некоторым Я, которое воспринимает, мыслит, чувствует,... [само] является центром ориентирования феноменального мира» [там же, с. 659]. Сталкиваясь с ним, мы обнаруживаем явное (движения) и скрытое (стоящий за ними смысл) в разных способах данности, соотношение которых друг с другом остается не вполне ясным. «Искаженное болью лицо» наличествует для нас, согласно Штайн, как бы «в единстве» воспринимаемого выражения и вчувствываемого переживания [там же, с. 661], но суть этого единства под вопросом. Подобно ли оно тому единству двойственности, которое возникает в восприятии собственного тела внешним и внутренним образом [6]? Далее, если чужое переживание дается во вчувствовании, в каких актах или модусах обнаруживается само Я другого? Схватываются ли чужие мысли, идеации через вчувствование?

Часть проблем можно выявить на основании частных примеров. Так, если мы наблюдаем неподвижного человека с бесстрастным лицом, можем ли мы в принципе осуществить вчувствование, или же без внешне воспринимаемых медиаторов — жестов и мимики — сам феномен чужого переживания не может войти в наше интенциональное поле? Возникнет ли этот феномен, стоит человеку улыбнуться? Что произойдет, как только мы выясним, что лицезрели не улыбку, а нервное сокращение мышц? Есть ли разница во вчувствовании между человеком и персонажем на картине или манекеном? Модифицируется ли каким-либо образом феномен «чужого переживания», если мы обнаружим в процессе, что приняли неживой предмет за человека?

Представим далее следующую ситуацию: мы долгое время слушаем, как друг изливает душу и наблюдаем за сменой выражений его лица. Согласно Эдит Штайн, при вчувствовании мы проходим три этапа: обнаруживаем чужое переживание как интенциональный объект, далее вовлекаемся в это переживание, становясь при его субъекте, «сочувствуем», и наконец, опредмечиваем эксплицированное переживание, вновь делая его объектом [3, с. 665]. В приведенной ситуации, во время долгой беседы, мы постоянно получаем новую информацию в отношении чужого чувства, задаем вопросы и подмечаем реакции и выражения лица, а значит, по-видимому, осуществляем бесконечную пересборку чужого переживания. Но как именно мы это делаем? Происходит ли постоянное

переключение cogito от восприятия к сочувствию? Становясь при чужом Я, интенсивно сопереживая и, оттого, упуская мелкие внешние детали, становимся ли мы, как «ведомые», ближе к первоначальному содержанию или, напротив, всё больше отдаляемся от сути дела и впадаем в заблуждение?

Проблему в контексте вчувствования также представляет идея Эдит Штайн о «восполнении» реактуализируемого переживания в соответствии с требованием смысловой целостности [там же, с. 664]. Как заметила исследовательница, редкое воспоминание обходится без небольших пробелов на месте незначительных деталей или в точках сцепления причинно-следственных связей. Эти смысловые лакуны заполняются суррогатом отсутствующего воспоминания. Не совсем ясно, возможно ли восполнение не вполне эксплицированного чужого переживания? Может ли быть, что второй этап процесса вчувствования вообще с необходимостью предполагает восполнение для создания связи между воспринятым переживанием и тем подобным ему, субъектом которого оказывается Я при Другом?

В заключение отметим следующее. Проблема вчувствования в диссертации Эдит Штайн отвлекается от чисто психологической трактовки и входит в поле интереса феноменологии, где вчувствование предстает как сложный, трисоставный интенциональный акт, направленный на феномен чужого переживания, выступает как опыт чужого сознания. Однако сделанное исследовательницей прояснение не исчерпывает проблемы. Вокруг вчувствования поднимается ряд дальнейших вопросов, в особенности, связанных с осмыслением понятия Другого и генезисом феномена чужого переживания.

Литература

1. Гуцалов А. А. Эволюция проблемы интерсубъективности в феноменологии Эдмунда Гуссерля : от воображения к пассивному синтезу / А. А. Гуцалов // Вестник Российского гос. гуманитар. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2008. – № 7. – С. 37–50.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль. – М. : Академ. проект, 2010. – 229 с.
3. Штайн Э. К проблеме вчувствования / Э. Штайн // Антология реалистической феноменологии. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – С. 657–693.
4. Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М. : Академ. проект, 2011. – 472 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2015. – 460 с.
6. Walsh P. Dan Zahavi : Self and Other : Exploring Subjectivity, Empathy, and Shame / P. Walsh // Husserl Studies. – 32(1). – P. 75–82.

Санкт-Петербургский государственный университет

Калинина А. С., бакалавр философии,
магистрант Института философии
E-mail: saiandzinmanabu@yandex.ru

St Petersburg State University

Kalinina A. S., Bachelor of Philosophy,
Master candidate
E-mail: saiandzinmanabu@yandex.ru